

Андрей Назаров

ПРОЧЕРНИ

Комната была — матрац на полу, рухлядь чужой жизни, разорение, украшенное кружевом паука, который прижился здесь, забившись в угол, как и он. Неделю не выходил, только в окно поглядывал на безнадежный двор, покрытый осевшим мартовским снегом, в котором вороньими прочернями проступали отбросы человеческой жизни. Шторы сдвигал слегка, раскрыть не решался. На пожарную лестницу смотрел, прикидывал, седьмой этаж все же. Вдруг звонок с перебивами — свой, они так не звонят. Открыл, приятеля увидел, и ознобом спину передернуло — с чего бы это?

Приятель про картину свою новую заговорил, Дали, дескать, в гробу перевернется, а он гадал, от кого же тот про звонок узнал. Таких они перед собой посылают — отвлекать, забалтывать, чтоб не подготовился, не сжег чего. Проговорил приятель в пустоту и ушел. Тянуло неладным, чувствовал, но понять не мог. Рукописи посмотрел — последние на месте, остальные у друзей схоронены, — но рыскать по комнате начал и наткнулся. Пакет прозрачный приятель под стол подкинул, а там вся аптека в пустых облатках. Тот давно на колесах сидел. Невмоготу стало — взял пакет и, выйдя из дома, зашвырнул в помойку. Подбирайте, гады! За углом в будку телефонную заскочил, осмотрелся — вроде никого за ним. Пройти хотелось, засиделся.

Попал в кривой истопанный переулок. Сумерки да туман и желтые окна, за которыми шевелятся люди — в своих домах, надо же. Зашел в кафе, уже узнавали там. Водки взял, со стаканом в углу за шатким столиком пристроился. Да, так люди не живут, долго не протянуть, но и делать нечего, только ждать. Момент этот страшен, когда берут, потом уж все отрублено, все одно. Проходил, помнит. Не выдержал, сам к ним явился, чтоб быстрее покончить, — так не приняли. Видно, подельников подбирают, не сдал он никого, вот и трудятся, знакомых колют. «То же деяние, совершенное группой лиц...» — у них дороже ценится. Уехать хотел, но одумался, это при

отцах, при массовых арестах можно было на просторах затеряться, а теперь враз отловят. Выдернули же из лесной глуши, так и снова найдут, из могилы выроют. Вот и отпустили под расписку. А все одно — сбежит, если не сорвется.

Встряхнулся, лицо обтер — вроде жар прошибает. Смотрел, как растерзанная нищенка на стойке лежит лицом, просит. «Теперь уже не будет мне женщины, — думал. — Поторопился с чужой жить, своей не нашел».

Подошел к стойке еще водки взял, нищенку задел ненароком.

— Чего ей? — спросил.

— Как обычно, — отвечают. — Водку в глотку, чтоб голова не качалась. Ждет, может позарится на нее кто, нальет. Привыкли к ней, не гоним.

В кармане пошарил, подумал — не велики деньги, да и зачем они теперь. Заплатил, посмотрел, как она одним духом пошло в себя закинула.

Потом, когда она в угол к нему перебралась, оттолкнул. Беззвучно исчезла, тенью. Знобило его, пригреться хотелось, заснуть. Ненавидел он сумерки и сырость, тоску свою ненавидел. Подумал, что до магазина далеко, не дойдет, и бутылку тут же, у стойки, взял. Теперь домой. Придумал тоже! Тук-тук, кто-кто в теремочке живет? Предали его в родном теремочке. Был, да сплыл.

За дверью едва на тело не наступил, но живое почувствовал. Выругался, прошел было мимо, но нищенка за пальто ухватила, держит.

— Пусти, тетка, — сказал, — болен я.

— Так я вылечу, вылечу. Полечу. Куда скажешь — с тобой.

Рванул полу, освободился, ушел. «Собаку бы взял», — подумал. Не слышал — чувствовал ее за собой.

— Ладно, — сказал, — иди.

Рядом пошла, на полкорпуса позади, правда, как собака.

«Надо же, — подумал, — кому-то и я еще человек».

Привел ее в комнату, снова Достоевского вспомнил, как паутина на свету заиграла. Пусть и на том свете угол с пауками поджидает, только бы здесь закончить скорее, и забыть, все забыть, всех. Взглянул — вроде не старуха она, его нищенка, да и пьяная не в дупель.

— Ты хоть знаешь, к кому пришла?

— Знаю, к тебе. А ты куда пришел?

— Домой.

— Нет, не домой ты пришел, ты другой. Да и я другая была...

— Что ж такой стала?

— Не смогла... С людьми этими не смогла... Ты не поймешь.

— Куда мне. С этими она не смогла... Где других сыскать, может, подскажешь? Ладно, давай по стакану — и лягу, пока эти твои люди хомутать не пришли. Вышвырнули нас, и дело с концом. Лучше в холодильнике пошарь. Заболел я.

— Так ты лежи, я тебя выхожу.

— Сейчас выпьем — и сваливай отсюда, пока не поздно. Загадочна жизнь, подруга — никогда не знаешь, кто тебя предаст завтра. А знать — так лучше бы покончить со всем этим. Людей она других захотела!

Выпил — и вверх озноб подкатил, захлестнул, во тьму затаскивая. Небо падало, трепетала зарницей чья-то жизнь, но не удержать, не удержать...

Очнулся — женщина над ним, не разглядел, глаза застило.

— Ты кто? — спросил.

— Так я же, ты и привел.

— Ты что здесь делаешь?

— Некуда мне. Да и тебя жалею. Стонешь ты очень.

— А давно... это ты?

— Всю жизнь, кажется.

— Беги, сказал, беги отсюда, пока нас вместе не замели, слышь?

— Пусть метут, а я с тобой. До конца с тобой, сколько...

— Со мной? Да ты глянь на себя. Пьянь копеечная...

И сам взглянул, и осекся. В накидке она сидела, строгая, как в окладе.

— Какая-то странная ты... нищенка. Не бывает таких.

— Я тебе расскажу. Мы все друг другу расскажем, правда? Не гони, не гони только.

— Да пойми ты, нас жизнь не держит, нет нас больше. И говорить не о чем.

— Ты сам будь, а остальное приложится, только поверь.

Подняться к ней хотел, но обвалилось все, забылся, забормотал, слился с чем-то, наконец, найденным, и исчез — далеко, в другом конце жизни, где ждали его.

Очнулся — а она рядом, в руках.

— Ты, милый, ты... не помнишь?

— Уходи, сказал.

— Я все сохранила, что ты мне подарил.

— Я подарил...?!

Но тут увидел близко склоненную над ним женщину, открыл ее лицо — и дыхание перехватило.

— Господи, откуда ты мне?

Но тут звонок взорвался.

Вскочил голым, в голове плывет, едва устоял. Последним — взгляд ее поймал и изумленные, раскиданные по подушке волосы.

Пальто накинул и к окну. Рванул створ, открылся под удар мартовского ветра. Вдохнул во всю грудь — жить!

На подоконнике утвердился, взглянул мельком на пустой двор, испещренный прочернями, и в сторону себя кинул, уцепился за лестничную перекладину, только руки обожгло. Торопился, сколько мог, перебирая железо, помнил, что внизу доски начнутся, там — на руках, потом прыгать и рвать во всю силу.

До последней перекладины добрался, повис и, оттолкнувшись, в снег полетел. Ощупал — цел, вроде.

И тут она рядом рухнула. Обнял ее, поднять хотел, но только голова в сторону откинулась, распались волосы, и кровь в приоткрытом рту зачернела.

Сидел с ней в руках, укачивал, выл, не заметил, как брат подошли.

«Я все сохранила, что ты мне подарил...»

